

Ади Кунцман

Университет Манчестер Метрополитэн, Великобритания

ЕКАТЕРИНА О. БОГДАНОВА

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

Элли Я. ПОНОМАРЕВА

Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия

АННА А. ЩЕТВИНА

НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Отказ и ограничение использования интернета в среде российских IT-специалистов

144

Ади Кунцман — PhD, старший преподаватель в университете Манчестер Метрополитэн. Научные интересы: исследования соцсетей, история интернета, цифровая память, цифровой милитаризм, уход от цифровых коммуникаций. E-mail: A.kuntsman@mmu.ac.uk

Adi Kuntsman — PhD, Senior Lecturer at Manchester Metropolitan University. Research interests: social media, the Internet, digital memory, digital militarism, disengagement from digital communication. E-mail: A.kuntsman@mmu.ac.uk

Екатерина Олеговна Богданова — студентка-бакалавр Санкт-Петербургского государственного университета и стажер в Центре урбанистики и киберантропологии. Научные интересы: антропология технологий, материальность, пространство и место, восточноазиатский урбанизм. E-mail: ekaterina_bogdanova@yahoo.co.uk

Ekaterina Bogdanova is a Bachelor student at Saint-Petersburg State University and an intern in Centre of Urban Studies and Cyborg Anthropology. Research interests: anthropology of technology, materiality, space and place, East Asian urbanism. E-mail: ekaterina_bogdanova@yahoo.co.uk

Элли Яковлевна Пономарева — ассоциированный научный сотрудник факультета антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге. Научные интересы: политическая антропология, диапсоральные исследования, антропология технологий. E-mail: elli.ponomareva@gmail.com

Elli Ponomareva is an associated researcher in the Department of Anthropology at European University at St. Petersburg. Research interests: political anthropology, diaspora studies and anthropology of technology. E-mail: elli.ponomareva@gmail.com

Анна Антоновна Щетвина — студентка культурологии в Высшей Школе Экономики, Москва, и координатор Клуба любителей интернета и общества. Научные интересы: история интернета, история веба, теории не-использования, этика в цифровых исследованиях. E-mail: sha1205@mail.ru

Anna Shchetvina is a Bachelor student at Higher School of Economics, Moscow, and coordinator of a club of internet and society enthusiasts. Research interests: internet histories, web histories, non-use theory, digital research ethics. E-mail: sha1205@mail.ru

В статье представлены результаты эмпирического исследования отказа от и ограничения использования интернета российскими профессионалами сферы ИТ. Является ли критика цифровых технологий со стороны айти-специалистов парадоксом или она обусловлена их экспертным знанием об интернете? В феврале-мае 2018 г. авторы статьи провели серию интервью с российскими профессионалами сферы ИТ, которые критикуют различные аспекты современного интернета и сознательно ограничивают использование интернета и гаджетов. Интервью выстраивались вокруг пользовательской и профессиональной биографии информантов, а также причин и практик не-пользования¹ интернетом вне профессиональной среды. В этой статье мы хотим показать, что причины не-пользования тесно связаны с социально-культурным и политическим контекстом, в котором живут наши информанты. Мы подчеркиваем, что их критика интернета не ограничена рамками технологии и ее влияния на жизнь людей. Зачастую через подобную критику они обращаются к социальным и политическим проблемам, для которых ряд информантов предлагает технологические решения. Исследование показало, что не-пользование представляет собой континуум практик. Некоторые информанты изначально не были заинтересованы в использовании социальных сетей и прочих интернет-сервисов, другие почти полностью перестали с ними взаимодействовать. Для некоторых участников исследования не-пользование означало отказ от определенных практик взаимодействия с интернетом, распространенных в их социальном окружении, или прекращение использования отдельных интернет-платформ.

145

Ключевые слова: ИТ-специалисты, не-пользование, социальные сети, регулирование интернета, цифровая гигиена, тайм-менеджмент

Adi Kuntsman, Manchester Metropolitan University, UK; Ekaterina O. Bogdanova, Saint-Petersburg State University, Russia; Elli Ya. Ponomareva, European University at St. Petersburg, Russia; Anna A. Shchetvina, Higher School of Economics, Moscow, Russia

Disengagement from Internet Usage among Russian IT Professionals

This article presents the results of an empirical study of disengagement among Russian IT professionals. Is it a paradox that some IT-professionals criticize digital technologies? Or is it a consequence of their expert knowledge regarding the internet? From February through May 2018, the authors conducted a series of interviews with Russian IT professionals who criticize different aspects of the contemporary internet and consciously limit their use of the internet and gadgets. The interviews revolved around the informants' user and professional biographies, as well as the reasons for — and practices of — disengagement in their personal lives. In this article, we intend to show that the reasons for disengagement are deeply rooted in the socio-cultural and political context shared by our informants. We

1 Перевод английского термина «non-use».

point out how their critique of the internet is not limited to technology and its impact on people's lives. It often becomes a means of raising social and political problems, both on the global and local scale, which some IT professionals propose to alleviate through technological solutions. The study revealed that non-use amounts to a continuum of practices. Some informants never considered using social media and other popular internet services; others almost entirely disconnected from them over time. To some research participants, non-use entails a refusal to engage in particular internet practices common among their social milieu or the outright avoidance of certain platforms.

Keywords: IT-specialists, non-use, digital disengagement, media refusal, internet regulation, digital hygiene, time-management

doi: 10.22394/2074-0492-2018-3-144-164

Связанные одной Сетью: от идеи цифрового неравенства к критике глобальной цифровизации

146

В 1998 году Николас Негропonte писал для Wired¹: «Мы будем замечать цифровые технологии, как воздух или питьевую воду, не из-за их наличия, а в момент их отсутствия».

В 2018 году это утверждение, при всей очевидности, не кажется однозначно справедливым. Мы видим, что технологии становятся заметными не только когда ломаются, не работают или по каким-либо причинам отсутствуют там, где мы их ждали. Навязчивое, излишнее или неуместное присутствие интернета или других цифровых технологий привлекает внимание не меньше, чем отсутствие или техническая поломка.

В нашем исследовании мы обратились к опыту людей, которые сознательно отказываются от интернета и гаджетов целиком или ограничивают свое присутствие в сети. Почему они это делают? Как изменяются их повседневные практики? Как аргументируется необходимость именно таких практик? На эти вопросы мы постараемся ответить в данном тексте.

Для начала обратимся к теории. Ранние исследования не-пользования связаны с парадигмой цифрового разрыва (digital divide). Она используется для описания неравенства доступа к новым технологиям. В не-использовании технологий в первую очередь видят проблему нехватки экономического или культурного капитала (отсутствие доступа, недостаток навыков), технофобии, непонимания [Hesselberth, 2017].

¹ <http://web.media.mit.edu/~nicholas/Wired/WIRED6-12.html>

Эта парадигма имеет как минимум два слабых места: бинарность деления пользователь/не-пользователь и пассивный статус не-пользователя. В 2001 году Пол Ди Мажио и Эстер Харгиттай [DiMaggio, Hargittai, 2001] предложили заменить термин «цифровой разрыв» более мягким — «цифровое неравенство» (digital inequality). Они детализировали понятие «использования» за счет введения таких критериев как оснащенность оборудованием, автономность (используется ли компьютер одним человеком или всей семьей сразу), навыки, социальное одобрение и цели применения технологий. Критика бинарности «цифрового разрыва» породила множество других типологий не-пользования [Wyatt et al., 2002; Wyatt, 2003; Selwyn, 2003; Satchell and Dourish, 2009; Baumer et al., 2013]. Добровольное не-пользование отделяется от вынужденного, а разрыв отношений с технологией — от полного отсутствия опыта взаимодействия с ней [Wyatt et al., 2002]. Выделяют такие типы как вынужденное, неохотное, частичное и выборочное использование [Wyatt, 2014], а также «отложенное сопротивление» (lagging resistance), при котором человек хочет «отключиться» от интернета или гаджетов, но пока еще не делает этого [Baumer et al., 2013].

147

Второй проблемный аспект концепции «цифрового разрыва» заключается в том, что информационно-коммуникационные технологии и их использование рассматриваются как всеобщее благо, которое необходимо каждому [Hesselberth, 2017]. Таким образом, в неприменении технологий видят отставание, неравенство, которое нужно преодолеть, проблему, которую нужно решить. Это может быть, например, проблема недостатка навыков у людей с особыми потребностями [Helsper, 2009]. Как отмечает исследователь не-пользования Н. Селвин, следствием такой интерпретации может быть то, что люди не рассматриваются как акторы, имеющие возможность выбора [Selwyn, 2006].

Это не единственный подход к исследованию не-пользования. В последнее десятилетие возник ряд иных перспектив, например, рассматривающих это явление как сопротивление [Woodstock, 2014], протест [Karppi, 2011] или как способ достичь личного комфорта [Kitchin, Frazer, 2017]. Эти работы объединяет общая установка на исследование практик добровольного и обоснованного отказа. Сам отказ в них рассматривается как норма или даже как сигнал о каких-либо проблемах в мире глобальной цифровизации.

В последние годы подобные исследования не-использования как варианта нормы концептуально объединяются. Так, например, голландская исследовательница Пепита Хесселберг пользуется обобщающим термином «отсоединенность» (disconnectivity) — [Hesselberth, 2014]. Британский исследователь культуры Бен Лайт

говорит о практиках отсоединения (disconnection practices) [Light, 2014]; для него нет четкого разделения между вовлечением и отключением. Он описывает разные формы взаимодействия с технологиями, многие из которых переосмысливают представление о том, что значит «быть вовлеченным». Британские исследовательницы Ади Кунцман и Эсперанса Мияке для описания указанного феномена предлагают понятие digital disengagement¹ [Kuntsman, Miyake, 2015]. Понятие выработано для решения двух задач. Первая — исследовательская: концептуально объединить различные направления исследований не-пользования. Вторая — активистская: привлечь внимание к не-пользованию. Исследовательницы призывают рассматривать этот феномен как сигнал о проблемах, возникающих при распространении новых технологий, и искать системные пути их решения. А. Кунцман и Э. Мияке предлагают, во-первых, исследовать дискурсы о рисках и сложностях в использовании технологий, а во-вторых, рассматривать практики отказа и фильтрации потребления информации в социальных сетях.

148

Под руководством Ади Кунцман в рамках одного из направлений онлайн-школы Клуба любителей интернета и общества² Анна Щетвина, Элли Пономарева и Екатерина Богданова в феврале-мае 2018 года провели качественное исследование не-использования в среде российских айти-профессионалов. Исследование является частью большого проекта по сравнению практик и мотиваций не-пользования у российских и британских айти-специалистов. В этой статье мы сосредоточимся на описании российской части исследования. Мы провели 12 очных и онлайн-интервью с сотрудниками IT-компаний в Москве, Петербурге и Саратове. Все собе-

1 Мы не предлагаем однозначного перевода этому термину. Коллективная работа на онлайн-школе интернет-исследований и сам процесс нашего исследования привели нас к выводу, что в русском языке пока невозможно найти удовлетворительный перевод в виде слова или короткого словосочетания. В оригинальном понятии ключевой является отсылка к слову “engagement”, «вовлечение». При этом приставка “dis” (в отличие от русского «не»), не несет в себе смысла пассивности. Такие переводы как «отказ» или «отключение», не кажутся нам в данном случае удовлетворительными. В них легко увидеть излишнюю материальность и бинарность феномена, как будто бы есть лишь два состояния: подключенность и отключенность. Однако же рассматриваемые практики являются не отключением прибора от электросети или отказом от гаджета. Континуум практик гораздо шире, и это описали еще исследователи цифрового неравенства.

2 Неформальное объединение исследователей, занимающихся internet studies в России. Весной 2018 года Клуб провел онлайн-школу интернет-исследований (URL: clubforinternet.net/school_18)

седники были проинформированы о целях исследования и формах распространения результатов. Три интервью по просьбе информантов велись не под аудиозапись — по итогам были сделаны конспекты встреч.

Среди информантов — одиннадцать мужчин и одна женщина. Опыт работы информантов в этой сфере — от 5 до 20 лет. Мы ограничились выборку людьми с похожим опытом пользования интернетом. Все информанты впервые воспользовались им в конце 1990 — начале 2000 годов в старших классах или на первых курсах вуза. Возраст информантов — 29-42 года. Рекрутинг респондентов осуществлялся методом снежного кома. Так как и использование, и не-использование соцсетей, гаджетов и интернета вообще — это не бинарная оппозиция, а мы не собирались работать с реальными практиками, рекрутинг осуществлялся на основе самоидентификации респондентов. В рекрутинговых письмах и в общении в поле с «проводниками», которые помогали в поиске информантов, мы заявляли, что ищем тех, «кто активно пользовался интернетом раньше, а сейчас ограничивает себя или просто пользуются им меньше, менее увлеченно и интенсивно». Столь размытая формулировка позволила охватить также тех, кто никогда не пользовался ранее какими-либо соцсетями, но при этом делает это осознанно (например, противопоставляя себя другим или приводя особую аргументацию) и готов описывать свои практики и мотивации.

149

Мы сфокусируемся на парадоксе: как профессионал, работающий с технологией, может одновременно ее критиковать и отказываться от каких-то практик её использования? Мы ограничили круг информантов теми пользователями, которые начали взаимодействовать с интернетом на ранних этапах его развития в России (с середины 1990-х по начало 2000-х), когда они были школьниками или студентами младших курсов. Нас заинтересовало, какие именно аспекты использования подвергаются критике, какие практики отторжения или альтернативного использования возникают и какую роль здесь играет компетентность (знания и идентичность) у айти-специалистов. Айти-специалисты особенно интересны ещё и потому, что люди из этой группы обладают особыми компетенциями в сфере технологий, поэтому тезис о не-пользовании как следствии неравенства и недостатка знаний к ним неприменим. Отсюда и возникает исследовательский вопрос о том, в силу чего эти пользователи отказываются от каких-то практик.

В данной статье нашими основными задачами являются обзор типичных нарративов о не-пользовании, описание методологических сложностей, с которыми могут столкнуться исследователи темы в будущем, а также развитие идеи не-пользования как континуума, предложенного А. Кунцман и Э. Мияке.

Исследуя не-пользование: заметки о методе

Перед нами стояла нетривиальная задача — найти людей, которые отказываются от взаимодействий с технологиями, в первую очередь с интернетом. Как найти человека, который удалился из соцсети или принципиально не использует смартфон? Как сформулировать текст рекрутингового письма так, чтобы нужный человек узнал в описании себя? Как будет сужаться/расширяться круг потенциальных участников исследования в зависимости от используемых нами формулировок? Информанты необходимой категории критически подходили к своему онлайн-присутствию и либо не пользовались соцсетями вообще, либо пользовались исключительно для решения рабочих вопросов и для общения с семьей. Как мы предполагаем, есть ряд людей, для которых выпадение из сети оказывается настолько полным, что человека просто не получится найти, если не наткнуться случайно на его знакомого-проводника. Другая проблема была связана с тем, что тема интервью для некоторых оказывалась сенситивной, участники не соглашались на аудиозапись, и от исследователей требовалось много усилий для того, чтобы установить доверительные отношения.

150

Возможных причин для недоверия и подобных сложностей несколько. Во-первых, часть информантов придавала большое значение приватности личных данных как в интернете, так и в любых других контекстах. Во-вторых, наблюдалась существенная социальная дистанция между интервьюерами и информантами, обусловленная профессиональной принадлежностью последних. Сообщество работников айти-сферы оказалось достаточно закрытым для людей, не обладающих соответствующим образованием и знаниями: информанты сомневались в способности интервьюеров говорить с ними на одном языке и верно интерпретировать их суждения. Вход в поле совершался через проводников (Э. Пономарева больше года работала в IT компании в Санкт-Петербурге, ряд информантов был найден через знакомых, работающих в технических отделах различных компаний), но в процессе интервью многократно возникал коммуникационный сбой: информант не верил в серьезность намерений интервьюера, валидность его методов¹. В ходе

1 В качестве «полевого анекдота» можно привести пример информанта, который выражал сомнения в способности исследователей, не имеющих профессиональных знаний в области информационных технологий, изучать интернет и связанные с ним явления. На его решение участвовать в исследовании косвенно повлиял тот факт, что интервьюер является сотрудником IT компании. При этом самому интервью предшествовала долгая беседа о сути количественных и качественных методов в социальных науках, об-

интервью многие информанты акцентировали свою экспертность и особое знание об интернете как о технологии, которым не обладают исследователи, даже в тех случаях, когда они говорили о практиках, присущих всем пользователям, независимо от технических компетенций. Это побуждало интервьюеров то апеллировать к знаниям об истории развития и технической стороне интернета, накопленным в ходе исследования, и собственному опыту работы в IT индустрии одного из интервьюеров, чтобы показать заинтересованность и знание темы, то, напротив, занимать позицию «наивного слушателя», чтобы оказывать минимум влияния на описание информантами практик взаимодействия с интернетом. Еще один блок сложностей был связан с тем, что мы, фактически, изначально хотели найти отсутствие практик, а не их наличие. Однако, как мы покажем далее, практики не-пользования связаны не только с отказом, но и с переосмыслением и альтернативными практиками взаимодействия с технологиями. Один из главных результатов исследования — понимание и сбор примеров того, как не-использование оказывается не негативным, а продуктивным поведением, своеобразным альтернативным использованием, в котором разные агенты устанавливают новый тип отношений.

151

Британские теории, российские данные: поиск общего языка

Теоретические наброски западных коллег вдохновили нас на этнографическое исследование, но, оказавшись в поле, в ходе пилотных интервью мы обнаружили нехватку важных инструментов. В первую очередь речь о концептуальном языке. Теоретический аппарат, которым пользуются англоязычные исследователи при работе с не-пользователями, имеет свою, отличную от российского контекста историю. Но даже для англоязычных исследований остается актуальной проблема диалога с информантами — большая часть исследований не-пользования как добровольного выбора работают с текстами, а не с этнографическими материалами.

Еще на этапе рекрутинга, работая с проводниками, мы выяснили, что информанты не употребляют каких-либо специальных терминов, связанных с не-пользованием. К примеру, наши собеседники не употребляли набирающий популярность в медиапространстве термин «цифровой детокс» и другие понятия, связанные с не-поль-

основание избранного метода — интервью и разъяснение, почему в контексте поставленного вопроса анкетирование с последующей статистической обработкой данных неэффективно.

зованием. Эти термины, вероятно, незнакомы большинству наших информантов. Поэтому мы старались избегать их в интервью и сосредоточились на том, как сами информанты описывают то, что они делают.

Интервью показали, что отсутствие особого языка описания для не-пользования связано с тем, что информанты рассматривают свои практики ограничения или отказа от использования интернета вне узких рамок взаимоотношения с технологией. Причины не-пользования, озвученные информантами, были внешними, не связанными напрямую с развитием самих технологий, но тесно переплетенными с меняющимся культурно-историческим и политическим контекстом, а также с изменениями в их личной и профессиональной жизни. Для некоторых информантов на первый план выходила какая-то одна ключевая причина, в других интервью была представлена комбинация различных мотивов не-использования. Важно отметить, что от личных мотиваций и практик не-пользования почти все информанты в ходе интервью переходили к более общим рассуждениям о взаимодействии и взаимном влиянии общества и интернета с момента его появления до сегодняшнего дня.

152

Чтобы лучше понять, как информанты рассматривают проблему не-использования, какие ассоциации на глобальном уровне провоцирует вопрос о личных практиках не-использования интернета и какие направления перспективны в дальнейших исследованиях, мы представим типологию контекстов, в которые встраивается описание практик и причин не-пользования у наших собеседников.

Причины не-пользования: социально-культурный и политический контекст

В беседах о не-пользовании есть ряд ключевых мотивов и тем:

- информационная перегрузка, управление приоритетами и тайм-менеджмент в профессиональном и личном контексте;
- коммерциализация интернет-пространства и расширение аудитории интернета;
- личные данные, приватность и безопасность в интернете;
- роль государства и корпораций в формировании интернет-пространства;

Сквозным мотивом, проявившимся при обсуждении разных тем, было стремление информантов показать свою экспертность и интерпретировать затронутую проблему через призму особого знания об интернете, выделяющего IT-специалистов среди прочих пользователей.

Можно сказать, что рядовым пользователям, которые не читают телеграм-каналы, не пользуются телеграмом для работы, — им, в принципе, все равно, на чем писать, на телеграме или в ватсапе. А мне, как специалисту, наверное, нет. [...] большинство, как мне кажется, IT-специалистов тоже пользуется телеграмом [2, м., 29 лет, СПб].

Чаще всего в нарративах информантов о не-пользовании встречалась тема информационной перегрузки и траты времени. Эта тема инициировалась самими информантами, которые выделяли ее как одну из главных причин, побуждающих их не использовать интернет.

Вопросы конкретные занимают, я не знаю, за 10-15 минут решаются практически любые. Но вот обычно минимум 2 часа [занимают] переписки в мессенджерах. И это вот убито время [4, м., 33 года, СПб].

Тайм-менеджмент в контексте этого исследования подразумевает намеренную организацию рабочего процесса, где категории работы и отдыха и связанные с ними виды деятельности строго отделяются друг от друга.

Пару раз у меня было такое, что загрузился на работе, плюс, мне писали много всего, я просто на срочные сообщения ответил, дальше выключил телефон, пошел в парк. Как-то из такого аврала позволяет привести мысли в порядок и с новыми силами взяться за дело или за что-то свое [7, м., 34 года, Саратов].

Техники тайм-менеджмента и увеличения продуктивности довольно распространены в медиапространстве, и упоминание информантами понятия «потока» и техники «Помодоро»¹ указывает на то, что они знакомы с этой темой (даже если и вторично).

Некоторые информанты подчеркивали жизненную необходимость критического подхода к трате времени в современном обществе в целом. Один из информантов указывал, что тайм-менеджмент есть проблема «постиндустриального века информационных технологий». По его словам, несмотря на то, что в прошлом также существовали разные медиумы для развлечений и схожего «отвлечения», за которыми можно было «терять время и прокрастинировать», все же именно современные цифровые технологии могут «мешать работе и самореализации». Говоря об активном использовании

1 Метод тайм-менеджмента, в котором время рабочего процесса разделено на последовательные интервалы работы и отдыха (например, 25 минут работы и 5 минут отдыха), выполняемые длительными сессиями (см. <https://francescocirillo.com/pages/pomodoro-technique>).

соцсетей, информанты употребляют слова «бездарно», «бесперспективно», «нецелесообразно», «бессмысленно» проведенное время.

Профессиональная деятельность IT-специалистов требует онлайн-присутствия. Таким образом, рабочая и личная коммуникация в мессенджерах происходит зачастую на одних и тех же платформах. В некоторых же случаях каналы общения дифференцируются, что позволяет информантам в целях тайм-менеджмента ограничивать использование того или иного канала.

Соцсети, использующие систему оповещений, относятся к «прерывающим технологиям» (interruptive technology). Если телефон находится рядом с пользователем, световые, тактильные и звуковые оповещения могут нарушать рабочее пространство:

«Есть такая вещь, как работа в потоке, когда ты о чем-то соответственно думаешь, у тебя вход [в это состояние] потом занимает эти самые 15 минут. Поэтому фактически, если тебя в течение рабочего дня каждые 15 минут сдергивают [присылая сообщения в Телеграме], — ты не сделал ничего» [4, м., 33, СПб].

154

Таким образом, самым частым ограничением соцсетей в пользу продуктивности является отключение уведомлений. По словам одного информанта:

«Уведомления у меня отключены по причине соблюдения времени, т. е. у меня, например, все мои каналы, которые я читаю, они все замьючены¹, если там выходит новость какая-то, она не звенит, не отвлекает меня от работы, я сижу работаю. Многие каналы у меня замьючены, потому что, когда я еду домой в метро, я открываю эти пять каналов и читаю новости» [2, м., 29 лет, СПб]

Большинство информантов «замьючивают» развлекательные каналы, однако всегда оставляют звук для каналов, связанных с семьей или близкими. Телефонные разговоры также являются нормой только для связи с близким кругом общения:

«Близкие друзья, близкие люди — они могут мне в любой момент позвонить, если что-то случилось ночью и так далее. Понятно, что какие-то там общие вопросы, для этого чаще всего есть чатик где-нибудь, не знаю, в том же Телеграме» [7, м., 34 года, Саратов]

В то же время для контактов вне близкого круга звонки вместо сообщений кажутся вторжением в личное пространство, «наглостью». В телефонных разговорах с друзьями и близкими информанты ни-

¹ Оповещения переведены в беззвучный режим.

как себя не ограничивали и описывали такой вид коммуникации как более «качественный».

Стоит заметить, что почти все действия, направленные на ограничение использования соцсетей выполняются «изнутри технологий», то есть посредством предусмотренного функционала, будь то беззвучный режим или выключение уведомлений. Кроме того, информанты прибегают к физическому дистанцированию: они «забывали» телефон в другой комнате или оставляли его дома, выходя на улицу¹. Лишь один респондент упомянул тактику не-пользования, требующую экспертного знания: внесение изменений в настройки операционной системы, что впоследствии осложняло доступ к отдельным сайтам.

Хотя складывается впечатление, что практики и мотивации тайм-менеджмента не отличаются для айти-специалистов и неэкспертов, многие информанты выделяли способность «фильтровать» информацию как связанную с их профессиональной деятельностью и образованием и недоступную для людей, не имеющих отношения к технологиям.

В рассуждениях информантов об информационной перегрузке и тайм-менеджменте ответственность обычно возлагается на пользователя. По мнению участников исследования, нужно обучать обычных пользователей, в частности детей, контролировать свое использование интернета.

Другим важным мотивом интервью, который связан с не-пользованием, оказалась отрицательная роль корпораций в развитии интернета, в особенности их участие в коммерциализации пользовательских данных. Однако информанты, рассуждавшие о причастности той или иной корпораций к торговле данными, тем не менее в большинстве случаев не отключались от конкретной платформы полностью. Несмотря на высказанные опасения, большинство информантов не рассматривали возможность коллективного противодействия корпорациям. При этом один из наших собеседников подчеркнул необходимость общественной дискуссии на эту тему. Он отметил, что именно институты гражданского общества должны поднимать вопрос использования персональных данных корпорациями:

«<Данные> продаются третьим лицам. И на этих данных принимаются решения, например, о том, выдадут кому-то кредит или нет. Или как дорого будет стоить для кого-то страховка жизни или здоровья, или нет, например.

1 Частота упоминания таких практик может говорить о том, что пользование соцсетями и отказ от них чаще происходят с мобильных платформ, чем с персональных компьютеров.

И первое, что, мне кажется, стоило бы сделать, это чтобы платформа в твоём личном кабинете писала, кому она продала эти данные» [12, м., 35 лет, СПб].

Так, например, нынешнее состояние социальной сети Вконтакте, бизнес-проекта, заполненного рекламным контентом, противопоставляется его истокам, когда он создавался группой энтузиастов. Другим объектом критики коммерциализации интернета было постепенное внедрение ограничений, связанных с авторским правом, владельцами российских сайтов и сервисов:

«А, вот, было бы идеально, если бы у нас социальные сети там и все остальное делали прожженные альтруисты, не ища никакой выгоды. Тогда бы мы, пользователи, были бы очень счастливы, не смотрев рекламы, и пользуясь халявным пиратским контентом... Не знаю, я просто предполагаю, что такая соцсеть стала бы ультрапопулярной. Ну это как раз было бы повторение истории на заре социальной сети “Вконтакте”. Там же тоже на энтузиазме лепили» [8, м., 33 года, СПб].

156

Один из наших информантов, размышляя о современном интернете, использовал метафору потребления. Он описал три стадии, через которые прошло интернет-сообщество. Поначалу первые пользователи интернета испытывали «голод» и полностью погружались в онлайн-сферу, чтобы использовать все возможности, которые предлагала технология. Это привело к стадии пресыщения, что, в свою очередь, подтолкнуло пользователей к регулированию потребления и выработке системы правил и ограничений.

Говоря о раннем этапе пользования интернетом, некоторые информанты упоминали чувство собственной исключительности и подчеркивали, что с притоком «пользователей» — людей, которые воспринимали интернет как нечто обыденное, — интернет перестал быть для них пространством открытий и экспериментов:

«Когда пришел пользователь, все умерло. Ну, как умерло, опреснело, размазались, грустно конечно, ностальгия, все дела» [1, м., 37 лет, Москва].

К настоящему моменту, по словам информантов, исследовательская составляющая интернета практически исчезла. Интернет перестал быть особым пространством, доступным немногим, в котором информантам легко было провести границу между «своими», теми, кто обладал знаниями и компетенциями в сфере технологий, и «чужими»:

«Тогда профессиональных форумов практически не было, любой форум был техническим. Потому что если чувак зашел на форум, он точно что-то знает, он как минимум знает, как набрать номер и зайти в интернет. Раз он зашел на доску, значит, все, свой чувак» [1, м., 37 лет, Москва].

Теперь же интернет стал доступен всем, и, что еще хуже, он служит «массам» — многие информанты явно негативно оценивали такое развитие событий:

*«У Google» поменялись какие-то поисковые алгоритмы, которые в угоду пуб-
лике» [4, м., 33, СПб].*

Массовизация и распространение интернета вызывают в информантах чувства утраты и одиночества:

*«Сейчас найти человека близкого по духу очень сложно. Неимоверные усилия
надо приложить, чтобы найти соратника. Есть островки безопасности, кон-
ффы и все прочее, тот же хабрахабр, но там уже кажется одни корпорации
остались, или недоблогеры, что-то где-то еще есть, но очень мало. Эта вся
романтика давно ушла» [1, м., 37 лет, Москва].*

Активная фаза нашего исследования совпала с событиями, связанными с блокировкой мессенджера Telegram в апреле-мае 2018 года. Вероятно, этот контекст обусловил повышенное внимание информантов к теме приватности и государственного контроля над интернетом как причины не-использования определенных платформ и сервисов. Четверо информантов обосновывали прекращение использования ВКонтакте политическими причинами; один из них прямо указал, что его волнуют прецеденты заведения уголовных дел, которые основаны на информации пользователей из ВКонтакте. По его мнению, именно эта компания охотно выдает персональные данные пользователей силовикам. Информанты зачастую проводили сравнение между российскими и зарубежными компаниями, такими как Facebook или Twitter, подчеркивая, что последние не раскрывают правительству персональные данные пользователей в таких масштабах.

157

Экспертное знание в сфере IT и понимание механизмов государственного регулирования интернета в России оказывают прямое влияние на то, какие средства коммуникации информанты выбирают для обсуждения сенситивных тем, например, политики или бизнеса. Один из наших информантов объясняет свое недоверие некоторым российским социальным сетям, апеллируя к тесной связи между корпорациями и силовиками:

«ВКонтакте смущает чуть больше, нет, ВКонтакте смущает чуть больше не потому, что они плохие, а потому что они работают в правовом поле Российской Федерации, а я сам с той стороны. Я знаю цену правового поля Российской Федерации: когда половина силовиков забывает бумажку подписать, потому что мы не хотим брать на себя ответственность, и вообще... А ВКонтакте, что он сделает... Он будет против силовиков сражаться? Я буду против силовиков сражаться, вот я, хостер? Ну то есть да, я буду понимать, нарушаю закон, но против пистолета я ничего не сделаю. Поэтому Вконтакте

для меня...ну вот я говорю, что финансовые вопросы я там обсуждать не буду. Просто на всякий случай» [9, м., 42 года, СПб].

Его мнение основано на собственном опыте взаимодействия с силовыми структурами, когда его компанию вынуждали выдавать персональные данные пользователей, не предоставив решения суда. Лишь некоторые информанты называли «закручивание гаек» в качестве основной причины их личного отключения, но практически все информанты размышляли на тему государственного контроля над интернетом в России и его возможных последствиях для пользователей и IT бизнеса. Некоторые выражали недовольство в связи с попытками правительства сделать интернет более управляемым. Другие, напротив, говорили о необходимости регулирования в интернете, упоминая, что до сих пор существует нехватка специалистов в этой сфере. Информанты также выражали опасение, что Россия может пойти по пути Китая и вместо точечных блокировок и «черного списка» ввести стратегию «белого списка»¹

158

Критикуя интернет и говоря об отказе от использования отдельных платформ и сервисов, информанты далеко не всегда стремятся ограничивать присутствие технологий в своей жизни. Через отказ и отрицание некоторых сторон современного интернета они будто бы выстраивают его идеальный образ.. Тему контроля над интернетом информанты зачастую увязывают с поисками альтернативных технологий, которые бы сделали его более привлекательным, или с попытками переопределить восприятие технологий обществом. Проблемы во взаимодействии людей с интернетом, по мнению некоторых информантов, были связаны не с пользователями, а с техникой, и решались техническими изменениями. В этом усматривается попытка корректирования дефектных отношений между пользователем, корпорациями, государством и интернетом посредством имеющихся профессиональных навыков.

О смене парадигмы и создании новых технологий, способных хотя бы на время вывести интернет из-под государственного контроля, рассуждает информант из Петербурга, владелец компании, занимающейся облачным хранением данных:

«Если все будут использовать криптографию — мы избежим большого количества проблем в социуме и с властью, и с прочей фигней, когда каждый исполь-

1 То есть выполнение государственной интернет-цензуры не через запрет на доступ к определенным сайтам, — находящимся в «черном списке», а через создание фиксированного («белого») списка легально доступных сайтов, тем самым устраняя необходимость постоянного контроля за новыми доменами.

зует криптографию, он уже не преступник, он будет нормальным человеком, а сейчас, как это. Ты ж террорист, тебе есть, что скрывать. Нет, это нормальное поведение, это единственно возможное поведение. Но с другой стороны там есть свои проблемы [4, м., 33, СПб].

Некоторые наши собеседники говорили о подобных глобальных решениях, помещая самих себя в качестве героев в историю развития интернета.

И, собственно, дело в том, что сейчас интернет, это же технологии, заложенные когда — в 70-е года, первые эксперименты с конца 60-х, и, собственно, это вот 70-е, собственно вся вот эта вот, весь science, на котором это базируется, все эти самые, это умные высококобые ребята сделали. А сейчас наше время сделать что-то такое, о чем эти вот начнут подозревать только спустя 25 лет. Из мелких таких вещей, которые сделали ребята лет 10 назад, собственно, блокчейн, о котором теперь знает каждая бабка у подъезда и о котором пять лет назад никто, в общем-то, и не говорил» [4, м., 33, СПб].

Характеристиками подобного «утопического» интернета является его независимость от государства, децентрализованность.

“— Мне вот понравилось, то что сейчас как раз Дуров делает, по сути параллельный интернет <...> Т.е полностью новые протоколы, и поверх всего <> централизованно, по большому счету. Плюс, встроенные <> платежные системы. Получается как бы интернет в интернете ... децентрализованность — это нечто, что гарантирует отсутствие контроля, по сути [8, м., 33 года, СПб].

159

Экспертный подход наших информантов к этим вопросам проявляется в том, что они предлагают решать проблему не на уровне культуры интернет-использования и интернет-политики, а на уровне архитектуры интернета — предлагают альтернативные проекты: блокчейн, mesh-сети, различные технологии, позволяющие создать «интернет внутри интернета». Эта особенность интервью является одной из самых важных в контексте существующих исследований не-пользования. Она показывает, что нельзя рассматривать практики не-пользования исключительно как явление, связанное с редукцией. Не-пользование может также являться переосмыслением и первым шагом к переходу к новым практикам.

Континуум практик отказа и не-пользования: влияние социального на отношения человека и технологии

Рассмотрев комплекс практик не-пользования, описанных информантами, мы пришли к выводу, что они представляют собой некий спектр: от неприятия использования гаджетов и соцсетей как нор-

мы до наложения ограничений на действия внутри той или иной платформы. В своем пилотном исследовании А. Кунцман и Э. Мияке описывают digital disengagement как континуум — спектр практик, варьирующихся по интенсивности и времени. Наш полевой опыт показывает, что это не просто спектр практик, а связь практик, нарративов и социального контекста, в котором происходят эти практики. Мы бы хотели развить идею не-использования как континуума, введя идею связности и взаимовлияния социального контекста, нарративов и практик.

Практики отказа были тесно переплетены с тем, в каком контексте информанты говорили о не-пользовании. В случае с теми, кто не воспринимает пользование соцсетями как норму, в интервью естественным образом отсутствовал мотив ограничений и контроля. При этом информанты зачастую отмечали, что их личный выбор в отношении не-использования того или иного средства коммуникации может вызывать отторжение и непонимание их окружения. Не-пользование оказывалось проблематизировано в контексте привычных практик для окружающих информанта людей. Это вынуждает информантов, которые не воспринимают использование интернета как норму, придумывать объяснения такой позиции для окружающих, прибегать к иронии и другим механизмам, позволяющим сгладить напряженность в общении с друзьями или коллегами. Подобные нарративы невозможно вырвать из контекста истории интернета и биографии информантов как части этой истории. Из пространства для “избранных”, обладающих техническими компетенциями людей, где информанты проводили время на тематических форумах и в чатах в кругу себе подобных, интернет превратился в место доминирования платформ, которое доступно любому пользователю, не обладающему каким-либо специальным техническим знанием. Для информантов это означало конец эпохи и размывание границ сообщества профессионалов и ранних пользователей интернета. Это могло играть важную роль в решении информантов отключиться от соцсетей.

160

Люди, для которых актуальны темы информационной перегрузки или тайм-менеджмента, говорили или о введении внешних ограничений — физическом дистанцировании от гаджетов, удалении приложений — или об использовании возможностей самих платформ и технологий — отключении уведомлений, применении специальных приложений.

Применительно к проблемам приватности, персональных данных, государственного контроля над интернетом и пользователем, не-пользование имело иную природу — здесь информанты делали акцент именно на том, как они фильтруют данные, которыми готовы делиться с помощью платформ и сервисов, как и почему они при-

нимают решение о самоцензурировании и ограничении информации, которую они генерируют в онлайн пространстве. Данные, которые подлежат фильтрации, определялись рисками, с которыми, по мнению наших информантов, связана жизнь в российском политическом контексте.

Другой способ, к которому прибегали информанты, уделявшие максимум внимания безопасности, персональным данным и государственному контролю — выбор платформы, отвечающей их стандартам. Здесь огромную роль играет репутация отдельных социальных сетей, сложившаяся в том или ином обществе и языковом пространстве. В связи с репутацией соцсети и частотой использования в российских реалиях, удаление аккаунта Вконтакте для информантов было маркировано, в то время как, применительно к нашему полю, невозможно говорить об удалении аккаунта с Facebook как о радикальном акте отключения — это решение было для информантов ощутимо менее значимым.

Заключение

Подводя итоги, еще раз подчеркнем, что информанты, говоря о не-пользовании, выходили за рамки обсуждения своих взаимоотношений с технологией и затрагивали обширный социально-культурный и политический контекст для объяснения личных мотиваций не-пользования. Среди основных мотиваций наиболее значимыми и частотными были:

- информационная перегрузка и управление временем;
- коммерциализация интернет-пространства и приток пользователей, не относящихся к профессиональному сообществу IT;
- приватность и безопасность в интернете;
- усиление контроля над интернет-пространством со стороны государства и корпораций.

К тому же размышления о личных практиках не-пользования зачастую подталкивали информантов к обобщенной рефлексии о нынешнем состоянии интернета как технологии, его роли в жизни общества и о том, как инженерные решения могли бы помочь устранить социальные проблемы, по своей природе связанные с интернетом. Следовательно, рассуждения информантов о «поломках» во взаимодействии человека с интернетом в немалой степени подвержены влиянию техндетерминистского дискурса.

Эмпирическое исследование позволило нам сделать целый ряд важных наблюдений:

- Большинству информантов незнакомы специальные понятия, посредством которых можно говорить о не-пользова-

нии, например, термин «цифровой детокс». Информанты не осмыслиют «поломки» в отношениях с технологией вне социального-культурного и политического контекста. На первый план всегда выходят мотивации, обусловленные этим контекстом.

- Многие информанты в принципе не проблематизируют не-пользование; иными словами, оно для них является нормой. Соответственно, в их рассказах был отличный от теорий disengagement'a фокус. Если в теориях не-пользование рассматривается как перформативный акт, призванный выявить какие-либо проблемы, то в нашем случае информанты чаще объясняли свой выбор иначе: зачем пользоваться, если можно не пользоваться?
- Зачастую информанты акцентировали внимание не на не-использовании различных медиумов, а на фильтрации информации.
- Частым элементом интервью была оппозиция производства и потребления информации. При этом ограничение собственного производства информации и переход к потреблению может описываться информантом как разновидность не-пользования. Те информанты, которые ранее активно использовали соцсети и другие сервисы для размещения контента — ведения блога, размещения личных заметок, стихов, статей на профессиональные темы и т. д. — при переходе из разряда авторов, которые производят новую информацию в сети, в разряд читателей зачастую описывали эту трансформацию как отключение и не-пользование.
- С дихотомией производства/потребления контента также связана тема самоцензурирования в интернете. Эта тема появлялась в интервью, в которых информанты рассуждали о государственном контроле и репрессивных мерах российской судебной системы в отношении людей, размещающих различные тексты политической тематики, носящие оппозиционный характер и признанные правоохранительными органами экстремистскими, в интернете. Важным в контексте исследования именно интернета является то, что под самоцензурированием может пониматься отказ не только от написания текстов, но и от выражения своего мнения с помощью средств онлайн-коммуникации, предлагаемых соц. сетями — лайки, эмодзи, репосты и т. д.

Наше пилотное исследование не-использования в среде российских IT-профессионалов показало, что при работе с данной темой необходимо учитывать особенности локального контекста, историю и современность интернета в исследуемом обществе. Несмотря

на то, что информанты зачастую обращались к темам, которые уже описаны теоретиками digital disengagement, работающими по большей части в англоязычных странах, проблема разрыва между рядовыми пользователями и IT-профессионалами, недовольство информантов массовизацией интернета и утратой «своего» пространства, недоступного широкой публике, кажется новой в данном направлении исследований. Другая особенность российского поля — появление особых форм не-пользования, стратегии самоцензурирования и ограничения круга тем, обсуждаемых в интернете, связанной с российским политическим контекстом и особенностями работы судебной системы в России.

Библиография / References

- Casemajor N., Couture S., Delfin M., Goerzen M., Delfanti A. (2015) Non-participation in digital media: toward a framework of mediated political action. *Media Culture and Society*, 37(6): 850-866.
- Cassidy E., Light B. (2014) Strategies for the suspension and prevention of connection: Rendering disconnection as socioeconomic lubricant with Facebook. *New media & Society*, 16(7): 1169-1184.
- DiMaggio P., Hargittai E. (2001) From the “Digital Divide” to “Digital Inequality”: Studying Internet Use as Penetration Increases. *Princeton University, Woodrow Wilson School of Public and International Affairs, Center for Arts and Cultural Policy Studies, Working Papers*.
- Frazer A., Kitchin R (2017) *Slow computing*. Working paper (<https://osf.io/preprints/socarxiv/rmxfk/>)
- Helsper E.J. (2009) Digital disengagement by disabled people. *Becta research report*.
- Hesselberth P. (2018) Discourses on disconnectivity and the right to disconnect. *New Media and Society*, 20(5).
- Karppi T. (2011) Digital suicide and the biopolitics of leaving Facebook, *Transformations*, 20.
- Kuntsman A., Miyake E. (2016) Paradoxes of Digital dis/engagement: a follow up study (businesses and services). *Working Papers of the Communities & Culture Network+*, 7.
- Kuntsman A., Miyake E. (2015) Paradoxes of Digital Dis/engagement: Final Report. *Working Papers of the Communities & Culture Network+*, 6.
- Light B. (2014) *Disconnecting with Social Networking Sites*. Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan.
- Lutz C., Hoffmann C. P. (2017) The dark side of online participation: exploring non-, passive and negative participation. *Information, Communication & Society*, 20 (6).
- Portwood-Stacer L. (2012) How we talk about media refusal. *Flow* (<http://www.flow-journal.org/author/laura-portwood-stacer-new-york-university/>) Просмотрено: 18.12.2017.

Portwood-Stacer L. (2013) Media refusal and conspicuous non-consumption: The performative and political dimensions of Facebook abstention. *New Media and Society*, 15(7): 1041-1057.

Portwood-Stacer L. (2014) Care Work and the Stakes of Social Media Refusal. *Critical Personas*. (<http://www.newcriticals.com/care-work-and-the-stakes-of-social-media-refusal/prin>) Просмотрено: 09.11.2017.

Satchell C., Dourish P. (2009) *Beyond the user: use and non-use in HCI*. Melbourne. Australia.

Selwyn N. (2003) Apart from technology: understanding people's non-use of information and communication technologies in everyday life. *Technology in Society*, 25(1): 99-116.

Selwyn N. (2006) Digital division or digital decision? A study of non-users and low-users of computers. *Poetics*, 34(4-5): 273-292.

Рекомендация для цитирования / For citations:

Кунцман А., Богданова Е.О., Пономарева Э.Я., Щетвина А.А. (2018) Отказ и ограничение использования интернета в среде российских IT-специалистов. *Социология власти*, 30 (3): 144-164.

164

Kuntsman A., Bogdanova E.O., Ponomareva E.Ya., Shchetvina A.A. (2018) Disengagement from Internet Usage among Russian IT Professionals. *Sociology of Power*, 30 (3): 144-164.

Поступила в редакцию: 9.09.2018; принята в печать: 22.09.2018